

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г 0162-2086
042(02)-73 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . . . .
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

Л. Ю. Тугушева

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ УЙГУРОВ

Наблюдаемый в последние годы повышенный интерес к вопросам тюркского стихосложения¹ способствовал активизации изучения древнейших образцов поэзии тюркских народов: исследователи все чаще обращаются к поэтическому материалу из «Дивана» Махмуда Кашгарского, средневековому огузскому эпосу, к памятнику эпохи Караханидов — «Кутадгу билиг», к материалам словаря *Codex Sumanicus* и др. До настоящего времени, однако, остаются в тени поэтические произведения домусульманской эпохи, родившиеся в иной, буддийской и манихейской, культурной среде и принадлежащие древнему населению Центральной Азии — уйгурам. Возможно, что немалую роль в этом сыграло распространенное и в основе своей справедливое мнение о том, что буддизм, как и любая другая религия, губительно отражался на произведениях народной словесности² и вместе с проникновением буддизма на смену эпосу пришли объемистые буддийские трактаты.

Между тем наряду с переводами буддийских сочинений, дошедшими до нас по большей части в фрагментарном виде, от обширной литературы этого времени сохранились также образцы поэтических произведений — стихотворных изложений некоторых известных сочинений того времени и оригинальных произведений. В настоящее время их насчитывается несколько десятков. В разное время они были изданы и введены в научный оборот А. фон Лекоком, В. Бангом, А. фон

¹ В. И. Асланов, Проблемы тюркоязычного стихосложения в отечественной литературе последних лет, — ВЯ, 1968, № 1, стр. 118—125.

² В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918, — ИРГО, 1919, т. VII, вып. 1, стр. 182.

Габен, Р. Р. Аратом и др.³ Время их создания относится к VIII—XIII вв.⁴ и, следовательно, в некоторой своей части они современны древнетюркским орхонским руническим памятникам.

В скромных колофонах сохранились имена поэтов, создававших эти произведения: Арпынчур Тегина, Кюль Тархана, Сынгку Сели, Калыма Кейши, Пратгья-шири, Ки-ки, Асыг Тудуна, Чисуя Тудуна и др.

Язык древнейгуьгурских сочинений — стихотворных и прозаических — сами авторы и переводчики называют тюркским (türkçe, türk tilinçe)⁵. Вообще говоря, ритмически организованная проза с элементами параллелизма и аллитерации в древнейгуьгурских памятниках — явление довольно обычное, отмечавшееся неоднократно⁶. В данном случае речь будет идти о произведениях, в которых строки стиха выделены в самом памятнике и объединены в стихотворные ряды с помощью таких организующих элементов, как строгая начальная вертикальная аллитерация, рифма, счет слогов и т. п. В самом тексте или во вступлении к этим сочинениям нередко встречаются прямые указания на их непрозаический, стихотворный характер, и жанровая принадлежность определена терминами: küg (тюрк.) 'гимн', başik (согд.) 'гимн', ślok (санскр.) 'стих', tağšut (тюрк.) 'стих' и др.

В поэтических произведениях древнейгуьгурских авторов наблюдается большое разнообразие стихотворных размеров, по-

³ См.: A. von Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho. II,—APAW, 1919, № 3, стр. 3—15; его же, Türkische Manichaica aus Chotscho. III,—APAW, 1922, № 2, стр. 3—49; W. Bang, Manichaeische Hymnen,—«Le Muséon», 1925, t. XXXVIII, стр. 1—55; W. Bang und A. von Gabain, Türkische Turfan-Texte. III,—SPAW, 1930, XIII, стр. 183—211; W. Bang, A. von Gabain, Uigurische Studien,—UJ, 1930, X, 3, стр. 208—210; W. Bang, R. Rahmeti, Lieder aus Alt-Turfan,—«Asia Major», 1933, IX, fasc. 2, стр. 129—140; G. R. Rahmeti, Türkische Turfan-Texte. VII,—APAW, 1937, № 12, стр. 60; R. Rahmeti Arat, Eski türk şiiri, Ankara, 1965; P. Zieme, Türkçe bir mani şiiri,—TDAY, 1968, стр. 45—51; G. Hazai, Ein buddhistisches Gedicht aus der Berliner Turfan-Sammlung,—AOH, 1970, t. XXIII, fasc. 1, стр. 1—21; Л. Ю. Тугушева, Древние уйгурские стихи. По рукописи из собрания ЛО ИВАН,—СТ, 1970, № 2, стр. 102—106.

⁴ R. R. Arat, Eski türk şiiri, стр. X.

⁵ См., например: A. von Gabain, Briefe der uigurischen Hüen-tsang Biographie,—SPAW, XXIX, 1938, стр. 20; F. W. K. Müller, Uigurica, I,—APAW, 1908, XXIX, стр. 14; A. von Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho, II, стр. 10, где манихейский гимн начинается словами: adin žiü türkçe başik 'другой тюркский гимн'.

⁶ См., например: A. von Gabain, Die alttürkische Literatur,—PhTF, t. II, стр. 211. В частности, достаточно наглядной иллюстрацией тому служит уйгурский перевод сутры *Suvarṇaparabhāsa* — *Altun jaluq*, в котором ритмизованной прозой написаны многие страницы.

своему разработанная и развитая техника стиха. В них используются разные типы рифм (смежная, перекрестная, опоясывающая и др.), вертикальная и горизонтальная аллитерация, редиф, рефрен и т. п.

Но едва ли не самой характерной для древнеуйгурских стихотворных произведений, начиная с древнейших ее образцов, является начальная вертикальная аллитерация, нередко переходящая в начальную рифму. Конечная рифма является в меньшей степени строгой, имеет зачаточный (аффиксальный) характер и вытекает из синтаксического параллелизма, но прослеживается тенденция к введению более сложных форм рифмы, использованию редифа. Эти факты в какой-то мере свидетельствуют в пользу того мнения, что начальная аллитерация в тюркском стихе — явление более древнее, чем конечная рифма⁷.

Господствующим в древнеуйгурском стихосложении является принцип параллелизма и относительной равнотактности. Наиболее употребительны размеры, в которых число слогов с некоторыми отклонениями колеблется между 7—9, 9—11, 13—15.

* * *

Известные в настоящее время образцы древнеуйгурской поэзии по содержанию можно разбить на манихейские, буддийские и мусульманские. При общности их языка они отражают разную идеологию. В целом же их содержание может быть охарактеризовано как абстрактно-религиозное. Поэзия уйгуров этой эпохи так же, как и некоторые другие виды их искусства⁸, лишена реалистических черт, отличается условностью и трафаретностью образов, и проявление индивидуального в них сквано мертвящей рутинной религиозных догм. Рутинность содержания в какой-то мере компенсируется техничностью, отработанной формой, которая, по всей видимости, впитала в себя традиции устного поэтического творчества народа, так как создатели их обращались к фольклорному поэтическому наследию не только с целью заимствования специфических приемов стихосложения, но в значительной мере переняли также систему образов. Как замечает А. Бомбачи⁹, даже в произведениях полностью переводных встречаются эпитеты и образы, свойственные только уйгурской версии и не представленные в других вариантах.

⁷ Ср. М. Ауэзов, Мысли разных лет, Алма-Ата, 1959, стр. 531—535.

⁸ См., например: Н. В. Дьяконова, Буддийские памятники Дуньхуана, — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа», Л., 1947, IV, стр. 445—470.

⁹ A. Bombaci, Histoire de la littérature turque, Paris, 1968, стр. 26.

Кроме того, как бы шаблонно и трафаретно ни было содержание, в поэзии оно укладывается в конкретный язык с его нормой, отражающей конкретные способы реализации структуры этого языка, его употребление, которое, как известно, глубоко специфично в каждом отдельном языке¹⁰ и предоставляет широкие возможности для индивидуальных вариаций в способе выражения.

Таким образом, несмотря на шаблонность содержания, форма этих произведений в широком смысле этого слова достаточно самобытна и отражает определенный этап в развитии тюркской поэзии.

Необходимость передавать по-тюркски порой достаточно сложные и абстрактные религиозные понятия побуждала сочинителей и переводчиков к скрупулезной работе над языком. От произведения к произведению отрабатывалась терминология, приобретала устойчивые формы и устанавливалась фразеология. Эта работа не могла не привести в конечном итоге к серьезным сдвигам в развитии и совершенствовании литературного языка.

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ В МАНИХЕЙСКОЙ СРЕДЕ

На положении официальной религии Уйгурии манихейство продержалось сравнительно недолго. Манихейство было принято уйгурами в 762 г., но уже в середине IX в., после разгрома Уйгурского каганата киргизами, наступает период упадка, и на смену манихейству вновь приходит буддизм. Десятый век знаменуется переводом на уйгурский язык основных буддийских сочинений и широким распространением буддийской литературы в уйгурской среде, свидетельствующим уже о полном расцвете буддизма.

Таким образом, манихейство по большей части находилось на положении религии неофициальной и, по всей видимости, было озабочено не только тем, чтобы «умилостивить богов» и «скорейшим образом обрести благодать на этом и на том свете», но вынуждено было изыскивать действенные способы пропаганды своей религии, мобилизовать все способы эмоционального воздействия. Этой цели служили мистическая таинственность их обрядов, высокая художественная выразительность гимнов, покаяний и молитв, являющихся важной составной частью их обрядов¹¹. Особое значение придавалось исполнению гимнов.

¹⁰ См.: Ю. С. Степанов, Основы языкознания, М., 1966, стр. 99.

¹¹ A. V. W. Jackson, Researches in Manichaeism with special reference to the turfan fragments, New York, 1965, стр. 15.

Следует отметить, что хотя буддизм стал известен уйгурам раньше, чем манихейство (в VII в.), однако произведения манихейского содержания в основной своей части относятся к более раннему времени. По мнению исследователей, самые поздние из них могут быть отнесены к X в.¹² Гимны были как переводные, так и оригинальные. В большинстве своем они говорят о немалом успехе, достигнутом в совершенствовании стиха, его озвучении. Известно несколько манихейских гимнов на уйгурском языке.

1. Гимн, посвященный богине утренней зари — *taŋ teŋri kelti*, имитирующий бой барабанов (к стихотворению дан согдийский заголовок — *vam vaŋiŋbaš*). Художественная выразительность гимна отмечалась неоднократно¹³:

taŋ teŋri kelti
taŋ teŋri özi kelti

. . . . .
taŋ teŋri
jidlīŋ jīparlīŋ
jaruqluŋ jašuqluŋ
taŋ teŋri
*taŋ teŋri*¹⁴

*явилась богиня утра,
явилась сама богиня утра

. . . . .
богиня утра,
благоухающая,
сверкающая,
богиня утра,
богиня утра.

2. Своеобразен в художественном отношении и построенный на повторах хвалебный гимн в честь Мани, автором которого является Арпынчур Тегин, известный также по другому его сочинению (см. ниже, № 6):

bilegüsüz jiti važ[ir ti]jür
bilegüsüz jiti važ[ir ti]jür
važırda ötvi biligligim tüzünüm jaruqum
važırda ötvi biligligim bilgem jaŋam

¹² A. von Gabain, Zentralasiatische türkische Literaturen, — «Handbuch der Orientalistik», Leiden—Köln, 1963, t. V, вып. 1, стр. 213.

¹³ См.: A. von Gabain, Die alttürkische Literatur, — PhTF, t. II, 1965, стр. 233; R. R. Arat, Eski türk şiiri, стр. 5; W. Bang, Manichäische Hymnen, стр. 4.

¹⁴ Здесь и далее в качестве образцов приводятся отрывки из упоминаемых сочинений.

‘алмаз остр [и] неточный, говорят,
 алмаз остр [и] неточный, говорят,
 острее алмаза наш (букв. ‘мой’) мудрый,
 благородный, светлый,
 острее алмаза наш мудрый, всеведущий, наш слон’.

3. Гимн неизвестного автора, содержанием которого является призыв последовать учению Мани. В нем говорится и о последствиях, которые ожидают грешника, отрекшегося от его учения (сохранившаяся часть включает в себе 27 стихотворных строк):

tüzun bilge kişi-ler tirile(1)im
 teğri-niğ bitigin biz işidelim
 tört ilig teğri-lerke tapıñalım
 tört uluğ emgekde qurtulalım

‘благородные и мудрые люди, давайте соберемся,
 учение бога послушаем,
 четырем главным богам поклонимся,
 от четырех великих мук освободимся’.

tüpinte ol’uqma ölmeği bar
 tünerig tamuqa tüşmeği bar
 tümenlig jekler kelir tijür
 tumanlığ jekler ajar tijür

‘а в конце еще есть смерть,
 есть (букв. ‘попадание в’) темный ад,
 придут десять тысяч демонов, говорят,
 угрюмые демоны будут распоряжаться, говорят’.

tardıç teg etöz-in qodur tijür
 tavarı turğuru qalır tijür
 tetrü saçlığ qurtğa jek kelir tijür
 tolılığ bulıt teg tonqı qaşlığ [tijür]

‘Он покинет свое тело, подобное (tardıç?), говорят,
 его имущество останется после него, говорят,
 придет косматая старая ведьма, говорят,
 с бровями насупленными (?), как туча,
 [несущая] град, говорят’.

4. Гимн, по сюжету сходный с предыдущим (20 стихотворных строк). Сравнение языка этих двух сочинений говорит о том, что в литературе рассматриваемого периода уже используются сочетания, имеющие характер устойчивых штампов (ср.: түнериг тамуğ ‘темный ад’, tetrü saçlığ qurtğa jek ‘косматая старая ведьма’).

tetrü saçlıy qurtıya jek kelipenin
tanmıš özüt-lerig tutupanın
tünerig tamuqa tartar tıjür
töpüsın toqtaru tıqar tıjür

‘косматая старая ведьма придет,
отрекшиеся души схватит
и потащит в темный ад, говорят,
опрокинув вниз головой, сунет [туда], говорят’.

5. Одним из наиболее значительных по объему стихотворных сочинений манихейского содержания является большой гимн в честь Мани, от которого сохранилось 123 четверостишия (492 стиха). Это сочинение примечательно большим количеством встречающихся в нем буддийских терминов, нередко связанных с основополагающими понятиями и идеями буддизма, как, например: burxan ‘будда’, nirvan (санскр. nirvāṇa) ‘нирвана’, sansar (санскр. saṃsāra) ‘круговращение бытия, сансара’, aviš (санскр. avīci) — название одного из отделов ада, tört toqum ‘четыре рождения’ и многих других, которые свидетельствуют о глубокой инкорпорации буддизма в манихейство в этот период.

Несмотря на объем гимна, в нем также от начала до конца выдержана начальная вертикальная аллитерация:

altı qaçıy ü[ze a]zmışlarqa
aımaq inmek aıunlarıy körkittigiz
aviš tamu emgekin biltürtügüz
alqatmıš biš qat teğri jirinte toqurtuğuz

‘сбившимся с [праведного] пути из-за своих
шести чувств
Ты показал верхние и нижние миры,
муки ада avīci Ты им дал познать,
Ты возродил их в благословенной пятярусной
стране богов’.

qutru[ı]yu jol jıñaqlıarıy tilejü
qoptın sığar il ulušlarıy keztigiz
qutqarıy tınlıylarıy taptuqta
qodmadın qamuıunu qutqartıgız

‘ища пути к спасению,
Ты обошел страны всех направлений;
найдя существа, подлежащие спасению,
Ты не покидал [их] и всех освобождал’.

6. Несколько особое место среди сочинений манихейского содержания занимает небольшое стихотворение, принадлежащее Арпынчуру Тегину (ср. № 2). Оно посвящено земной любви и может быть расценено как первое известное лири-

ческое стихотворение на тюркском языке¹⁵. В отличие от других сочинений оно написано трехстишиями с рифмующимися соответственно строками двух соседних трехстиший:

Jaruq teqriler Jarlıqaz-un
 Javaşım birle
 Jaqışıpın adrılmalım
 küçlüğ priştiler küç birz-ün
 köz-i qaram birle
 külüşüğün oluralım

'пусть распорядятся ясные боги,
 чтобы мы с моей благой нравой,
 встретившись, не расставались;
 пусть могущественные ангелы придадут силы,
 чтобы мы с моей черноглазой
 жили, веселясь'.

7. В небольшом отрывке манихейского гимна, опубликованном П. Циме¹⁶, нет обычной начальной вертикальной аллитерации, нет строгой рифмы; счет слогов колеблется в широких рамках (от 5 до 13), но эпитеты и сравнения, перекликающиеся порой с эпическими образами, говорят о том, что этой поэзии при всей ее схоластичности не чужды произведения характерного стиля:

kök bōriteg sini [birle?] jorijîn
 qara quzūnteg topraq ūze qalajîn
 igke kōmūri
 bilegūke jariteg bolajîn

'серым (голубым) волком за тобой
 ходить пусть я стану,
 черным вороном на земле пусть я останусь,
 углем против болезни (?),
 плевком на точильном камне пусть я стану!'

Отличительным в его форме является довольно регулярное чередование длинных и коротких строк: опоясывающие строки имеют едва ли не вдвое большее число слогов (9—13), чем средние (5—7). Этот прием частично используется также в предыдущем стихотворении. Уместно напомнить, что прием чередования коротких и длинных строк встречается и в поздней тюркской поэзии, на этом, к примеру, строится особая форма стиха — *segizayak*, используемая А. Кунанбаевым.

¹⁵ R. R. Arat, *Eski türk şiiri*, стр. 18.

¹⁶ См.: P. Zieme, *Türkçe bir mani şiiri*, — TDAY, 1968, стр. 45—51.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ БУДДИЙСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Основную часть известных в настоящее время древнеуйгурских стихотворных сочинений, так же как и прозаических, составляют сочинения буддийского содержания. Сюда входят хвалебные оды в честь будд и бодхисаттв, изложенные в стихотворной форме, отдельные положения и догмы буддизма, описание различных аксессуаров и атрибутов религии, молитвы, колофоны и т. п. Собранные все вместе, стихотворные сочинения буддийского содержания (оригинальные и переводные) составляют более чем 1500 стихов. Среди них имеются объемистые сочинения, содержащие несколько сот стихов, и миниатюрные образцы в 1, 2, 3 четверостишия. Хотя нередко в них излагаются абстрактные положения буддизма, язык их отличается ясностью и простотой при сравнительно небольшом числе заимствованных слов и терминов.

Поэты буддийского направления, имена которых устанавливаются по колофонам: Пратъя-шири (bīratja širi), Чисуя Тудун (čisuja tutuŋ), Калым Кейши (qalīm kejši), Ки-ки (kki-kki), Асыг Тудун (asıŋ tutuŋ) и др.

Наиболее значительные произведения буддийского направления:

1. Стихи поэта Ки-ки, посвященные будде Амитабхе (22 стиха):

[a]bita teŋri burqan-ıŋ
artuqraq meŋilig uluŝ-uŋ
[a]dırtlıŋ körkitü jarlıqap
ača adıra nomlamiŝ
taj paj lin ši tip atlıŋ
tajšiŋ nom-nuŋ ičinte
talulap jıŋıp men kki-kki
taqŝut-qa intürü tegindim
abita teŋri burqan-ıŋ
ajaju saqınmaq ömekig
amrilip olurŋu djan-ıŋ
aju söz-leju birelim

*Из книги (законов) Махаяны, называемой *taj paj lin ši*¹⁷, где божественный будда Амитабха [и] страна полного счастья ясно (отчетливо) представлены и в деталях описаны, выбрав [это] и скомпоновав, я, Ки-ки,

¹⁷ Кит., то же, что и *tajšin* = санскр. mahāyāna 'большая колесница'.

попытался переложить на стихи.
 О том, как о божественном будде Амитабхе
 с благоговением думать,
 о дхьяне, где обретают успокоение,
 давайте же расскажем'.

2. Чисуя Тудун. Стихи о красноречии (66 стихов):

bir ağız qı-a edgü söz bar söz-lejın sağa
 birdem kirtgünüp tudııl jemü siz-inm-e mağa
 biratı-a tıgıl mani sinte tip birgil ağa
 birök tapsar ol erdinig ne satıy muğa

'я имею сказать нечто хорошее, скажу [это] тебе,
 прими с полным доверием, хорошо (?),
 и не сомневайся во мне,
 признайся (букв. 'скажи'), что жемчуг, называемый
 «причинностью», у тебя и отдай ему,
 если он обретет эту драгоценность, что может быть
 ей противопоставлено?'

aqaş-taqı aj tegri-ni atqanmıš bolup
 aj-a-taqı erdini-ni ičünip salm-a
 alqu ödte taštın sıgar tilemiš bolup
 anuq buz-nı suv timetin arsqıp qalm-a

'прельстившись луной на небосводе,
 не упусти драгоценность, [лежащую] на ладони;
 и всякий раз (~всегда), судя (букв. 'желая')
 по внешнему виду,
 явный лед не признавая водой, не оставайся
 в заблуждении'.

ıaj-qı suv-nı qıšqı ödte buz tıjür-ler
 jana ıaj-ın qıš-qı buz-nı suv tip tıjür-ler
 ıajılduq-ta cın burqan-nı [kögül] tıjür-ler
 ıajılmaduq-ta [kögül]-ni ök burqan tıjür-ler

'вешнюю воду зимой льдом называют,
 снова весной зимний лед водой называют,
 в [момент] заблуждения истинного будду мыслью (?) называют,
 когда не заблуждаются, мысль (?) буддой называют'.

3. Пратъя-шири. Стихи о мудрости (93 стиха):

jükünürmen bilge bilig paramit qutığa
 qop-i arıy münegüsüz jig öküş tip
 qopđın sıgar burqan-lar-qa ögidilmiš
 qolulaju ülgülejü bolıu-luı-suz
 quruı bilge bilig sağa jükünürmen

'я поклоняюсь величию (благодати) добродетели
 мудрости,
 во всем чистой, безупречной (букв. 'не допускающей
 промахов'), лучшей, обильной [ее] считая,
 буддами всех сторон прославленная,
 не поддающаяся измерению,
 отрешенная мудрость — тебе я поклоняюсь!'

qutrulmaq-nıŋ jalaŋuz jolı siz bolmaq-tın
 qop-tın sıŋar jana aŋın jol joq-ıntın
 qut-qa tegmiş burqan başın tözun-lerke
 qop ödler-te tapınŋuluŋ tajaq-ı siz

'потому, что Ты — единственный путь спасения,
 потому что во все стороны нет иного пути,
 Ты, достигший благодати будды, для благородных
 являешься опорой, во все времена достойной поклонения!'

4. Стихи, обращенные к будде Майтрея (автор неизвестен, 20 стихов):

tört şlokluy nom üze
 tutçı öger-men üzüksüz
 tuş berip munı teg bujanıŋ
 tuşajın sizige majtri
 sansarta irinç mini teg
 saqınsar erti kim me joq
 şaşmaqsız burqan bolmišta
 saqınŋıl mini majtri

'при помощи четырехраздельного закона
 постоянно и непрестанно Тебя прославляю.
 Вот так, отдав в залог добродетель,
 пусть я встречу с Тобой, Майтрея!
 В круговороте бытия (в сансаре) нет никого,
 кто бы мог подумать о [таком] бедняге, как я.
 Став незаблуждающимся буддой,
 подумай обо мне, Майтрея!'

5. Калым Кейши. Стихи, в основу которых, по словам автора (стк. 109—112), положена молитва бодхисаттвы Самантабхадра, испрашивающего благодать (113 стихов):

alp biliglig iduq qutluy mançuşri teg
 ajaŋuluŋ tolpi tüz-ün bodisatav teg
 alqu ödte olarqa ijin ögretingü ūcün
 amtı muna bujan-larımın evirür men

‘Для того чтобы как могущественный, мудрый,
 священный Маñjuśrī¹⁸,
 как достойный почитания бодхисаттва Tolpī tüzün (?)
 постоянно совершенствоваться,
 вот теперь я следую по пути (букв. ‘верчу [колесо]’)
 добродетели’.

una ämti bu qut qolunçluğ sözlemiř-niğ
 uç qitiğ joğ jig bujan-ın evirür-men
 uşun ödün sansarta çömmiř batmiř-lar
 uçuz oğaj sukavati uluř-ta toğz-un-lar

‘[и] вот теперь я следую по пути (букв. ‘верчу [колесо]’)
 добродетели испрашивания счастья, не имеющей пределов,
 для того чтобы те, кто долгое время тонул в круговороте бытия,
 легко и без усилий возродились в стране Sukhāvati’¹⁹.

6. Ки-ки. Стихи о созерцании (сохранилось 7 отрывков, включающих 246 стихов):

adqa[γ-lar] köğül birle birikser
 amriliğ qararmadan jalırsar
 amiru saçılmadan turulsar
 adı bolur munuğ djan tip

‘когда понятия (представления) сливаются с чувствами,
 и, успокоенные, блистают, не тускнея,
 [когда они], не распыляясь, затихают,
 это зовется — дхьяна’.

eñilki kım qaju tinliğ-lar
 emgeklig sansar-qa qorqsar-lar
 ertigü meñilig uluř-ta
 ergülüg tap-ları bolsar-lar
 kün-te kiri-lig boltuğ-ta
 kün bağalı bartuğ-ta
 küsüř öritip ol ödte
 köğül-te inçe tip saqınru ol
 jalrıjür erdinin idiglig
 jaruğ kün teğri tilgen-[i]
 jaba çambudivip uluř-ta
 jarudγulur iř-i ertükdükte

¹⁸ Санскр., имя собств. бодхисаттвы — воплощение мудрости будды (см.: W. E. Soothill, A dictionary of chinese buddhist terms, London, 1937, стр. 153а).

¹⁹ Санскр., название одного из отделов рая — западный рай, подведомственный будде Амитабха (см.: W. E. Soothill, A dictionary, стр. 357b).

‘Прежде всего если какие-либо существа,
страшится круговорота бытия, [наполненного]
страданиями,

и в стране достосчастливой
жить у них желание появится,
то в момент, когда наступит [время] захода солнца
[и] солнце склонится к закату,
им следует вызвать [в себе] желание
и в душе вот так подумать:
Сверкает убранный драгоценностями
диск ясного солнца.
Когда его работа по освещению [этого] мира
Джамбудвипа подойдет к концу...’

aγd̄inur iner suv-lar-niŋ
amrančīγ ūnlūg quš-lar-niŋ
aniŋ tiki-sinte nom ūni
antaγ ešidilür inče tip
otγuraq ūrlüksüz emgek tip
uz-adī quruγ men-siz tip
on paramit-lar bašlaγ-līγ
uluγ bodisatav-lar jor[īγī tip]

‘в шуме вздувающихся и спадающих вод
[и] птиц сладкоголосых
звук учения слышится
[и говорится] так,
что страдание определено невечно,
что оно всегда пусто и лишено сущности,
что основой десяти добродетелей
является жизненный путь великих бодхисаттв’.

7. Своеобразный прием использован в построении стихотворения, состоящего из 21 восьмистишия, расположенных в порядке следования знаков уйгурского (согдийского) алфавита. Каждое восьмистишие посвящено одной букве, воспроизводимой в его аллитерации.

Стихотворение не имеет единого определяющего содержания и, видимо, написано в целях трактовки и облегчения усвоения и запоминания некоторых терминов буддизма. Автор неизвестен.

Восьмистишие на букву v:

vajduri²⁰ erdinin iqlimš qaršī-ta
vašik-ler qut-lar turz-un
vasavi²¹ teŋri-niŋ kiriš-lig j-a-siŋ
varskandi²² toġa qurz-un

²⁰ Санскр. vaiḍūrya ‘ляпис-лазурь’ (см.: W. E. Soothill, A dictionary, стр. 12a).

²¹ Санскр., имя собств., Индра (см.: M. Monier-Williams, A sanscrit-english dictionary, Oxford, 1899, стр. 948a).

²² Санскр. Varskanda — имя собств. (?).

vajram²³ jil teg tavraq kelip
 vasundari²⁴ alqış urz-un
 vandami²⁵ jükünmek kim qılmasar
 varkşı arz-ı²⁶ -ča sorz-un

' во дворце, украшенном ляпис-лазурью,
 пусть обитают [добрые] духи.
 Лук с тетивой бога Vasāva
 пусть натянет богатырь Varskanda (?).
 Придя (налетев) стремительно, как ветер vairambha,
 пусть Vasundharā воздаст хвалу.
 Тот, кто не поклонится (~ не совершит vandana),
 пусть спросит, как Vrksa-rṣi (?)'

К этому же циклу может быть отнесен еще целый ряд сочинений, посвященных восхвалению десяти добродетелей (более 100 стихов), 35 будд (280 стихов); 10 молитв будды Avataṃsa(ka) и др. Все они собраны и изданы в полном виде в вышеупомянутом труде Р. Р. Арата.

8. Среди стихотворных произведений буддийского содержания по сюжету и по форме выделяется стихотворение, которое по рефрену условно названо Р. Р. Аратом «Anī teg oġunlarta» («В таких краях») ²⁷. В отличие от других оно не содержит в себе раскрытия разных аспектов учения Будды или восхваления будд и бодхисаттв и т. п., а посвящено описанию природы — идеальной обстановки, в которой человек, «не тревожимый восемью ветрами», может спокойно погрузиться в созерцание. Хотя изображенные в нем идиллические картины журчащих ручьев, скалистых гор, пенящихся озер и зеленых кущ, по-видимому, также имеют условно-абстрактный характер, далекий от конкретной реальности, но сама попытка ограничить сюжет произведения описанием природы является для этой литературы своего рода новшеством.

Заслуживает внимания техническое оформление стихотворения, которое не ограничивается обычной начальной вертикальной аллитерацией, включает строгую конечную рифму, усложняемую завершающей все четверостишия глубокой (двойной) рифмой — ʔuluʔ//gölüg ol — и рефреном — anī teg oġunlarta. Используется также упомянутый прием чередования длинных и коротких строк:

seġir buluġ teriġ taġ-ta

²³ Санскр. vairambha — название ветра (см.: M. Monier-Williams, A sanscrit-english dictionary, стр. 1025b).

²⁴ Санскр. Vasundharā — имя собств. богини (там же, стр. 931b).

²⁵ Санскр. vandana — жест поклонения (см.: W. E. Soothill, A dictionary, стр. 191b).

²⁶ Санскр. Vrksa-rṣi — имя собств. (?).

²⁷ R. R. Arat, Eski türk şiiri, стр. 64.

seviglig aranyadan-ta²⁸
 sermelip aqar suv-luγ erip
 sep sem aγlaq-ta
 sekiz türlüg Jiiller üz-e tepremetin
 serilip anta
 sere jalγuz-ïn nom meqi-sin teqingülüg ol
 anı teg orun-larta

‘среди скалистых крутых гор,
 в радостном (~приятном) уединении,
 где бы воды текли, струясь,
 в полном безлюдье,
 не тревожимым восемью ветрами,
 находясь там, в терпеливом одиночестве следует
 приобщаться к благодати учения,
 в таких краях’.

9. В стихотворной или близкой к стихам форме нередко строятся колофоны, завершающие произведение или отдельные его главы. В них приводятся сведения о том, кем и в каких целях переписано или составлено это сочинение. Ср., например, отрывок из колофона к сутре Amitäyus (издан Р. Р. Аратом в «Eski türk şiiri», стр. 216—223):

ača adıra nomlamış
 alqu kösüş-ler-ig qanturdaçı
 amita-ajusi sudur-uγ
 adın-lar-qa asıγ bolz-un tip
 ajaju oqıp ačz-un tip
 alqu kösüş-ler-ım qanz-un tip
 ämti men bujan qaj-a qal kentü öz-üm
 adruq kirtgünč turγurup
 ajaju jüz on küün jaqturup
 adınlarqa jumqı ülemiš
 aγır bujan-lar-ımiz küčinte
 ajaz-qa jaγız-qa tajaq-lıγ
 arqa qamaγ qut vaqšik
 arıγ nom ašlıγ teγri-ler-niγ
 ašilz-un nomluγ küč-ler-l

‘ясно и отчетливо изложил
 [способствующую] достижению всех желаний
 сутру Amitäyus.
 Для того, чтобы другим [от этого] была польза,
 для того, чтобы с почтением [ее] читали
 и распространяли (букв. ‘раскрывали),

²⁸ Ср.: санскр. āgaṇa ‘хижина отшельника; место созерцания’ (W. E. Soothill, A dictionary, стр. 291b).

для исполнения моих желаний
 теперь я сам — Буян Кая Кал,—
 возбудив [в себе] благородную веру,
 в [знак] почитания возжег тысячу свечей ²⁹,
 [для того] чтобы в результате на всех других
 распространяющихся
 наших великих добродетельных поступков
 увеличилась божественная (~ основанная на законе) сила
 всех [добрых] духов,
 опирающихся на небо и землю,
 и богов, пищей которым [служит] священный закон'.

В рукописном собрании ЛО ИВАН хранится небольшой фрагмент стихотворения о будде, которое записано на бумаге VII—VIII вв. ³⁰. В этом стихотворении, несмотря на то что оно, по всей видимости, является одним из ранних по времени написания, уже представлен весь комплекс упомянутых выше приемов, которыми характеризуется древнеуйгурская поэзия: строгая начальная вертикальная аллитерация, начальная и конечная рифма, относительная равносложность, созвучие ритмических звеньев:

burxan atliγ // baqši-qa
 budγıl arıγ // özinke
 bursaq quvraq // erdinike
 bodumın tutušu inanurmen

'в учителя по имени будда,
 в его чистую (священную) сущность,
 в общину драгоценную
 всем своим существом я верую'.

Этот небольшой отрывок (всего 13 стихов) свидетельствует о том, что уже в эту, сравнительно раннюю эпоху все указанные приемы стихосложения были в достаточной мере отработаны.

Несомненный интерес с точки зрения изучения ранней поэзии тюркских народов представляет уйгурская версия путешествия Сюань-цзана, изложенная по-тюркски (по-уйгурски) Сынгку Сели Тудуном (Siñqu Seli Tutuñ) из города Бешбалыка. Это произведение, по свидетельству самого переводчика ³¹, написано в жанре эпоса (kavi nom bitig) ³² и в нем не

²⁹ küip кит. 'свеча' [см.: R. R. A g a t, Eski türk şiiri, 26a, 2214; G. H a z a i, Ein buddhistisches Gedicht aus der Berliner Turfan-Sammlung,— АОН, 1970, XXIII (1), стр. 6].

³⁰ Л. Ю. Тугушева, Древние уйгурские стихи, стр. 103.

³¹ См.: А. в о н G a b a i n, Briefe der uigurischen Hüen-tsangs Biographie,— SPAW, 1938, XXIX, стр. 20.

³² Там же, стр. 20.

только широко используется ритмизованная проза, но встречаются стихотворные отрывки, в построении которых отчетливо прослеживается синтаксический параллелизм:

taqı artuqraq biligleri ötmiş(?) ol
 teriñ jinčke savlarda
 bilge biligleri berikmiş ol
 teñridem köñülke berikmekte
 kök teñri jañın qılmişlar ol
 kim jiti grahlar kizlejü umaz bedizin
 öd qolular itigin jaratmişlar ol
 altı irkek ojlar baturu umaz ülgüsün³³

‘их знания стали еще более изощренными и [отразились] в словах, глубоких [по смыслу] и изящных. Их мудрость возросла через постижение божественной мысли. Они так поступили с небом, что семь планет не могут скрыть своего изображения. Они создали такой счет времени, что шесть мужских звуков (трубок³⁴) не могут утаить (букв. ‘утопить’) своего измерения’.

alγuluquγ qoγuluq-uγ tüz bilgü ol:
 kirlig-ig kirsiz-ig jinčkā adirtlaγu ol
 talulap alγu ol altun-uγ qumın tašin kitärgü ol:
 jarip alγu ol qaş-ıγ süz-ük körklä jaruqluγuγ

(гл. VIII, л. 23)

‘Нужно твердо знать, что брать и что оставлять; нужно ясно (~ тонко) различать чистое и нечистое; нужно выбирать золото, удалять песок и камни; и, раскалывая, добывать нефрит, сверкающий чистой красотой’.

III. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ В МУСУЛЬМАНСКОЙ СРЕДЕ

По публикациям В. Банга и Р. Р. Арата³⁵ известен цикл стихотворных произведений из Восточного Туркестана, также написанных уйгурским письмом, но в иной — мусульман-

³³ A. von Gabain, Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsang's, — SPAW, 1935, VII, стр. 160—161, стр. 125—134.

³⁴ Ср.: «Путем кропотливых математических вычислений, исходивших из законов акустики, ими был найден и зафиксирован 12-ступенный хроматический звукоряд в пределах октавы... Звукоряд этот фиксируется при помощи 12 трубок, настроенных по полутонам» (Г. Шнейерсон, Музыкальная культура Китая, М., 1952, стр. 18).

³⁵ W. Bang, R. Rahmeti, Lieder aus Alt-Turfan, — «Asia Major», 1933, IX, fasc. 2, стр. 129—140; R. R. Arat, Eski türk şiiri, стр. 245—267.

ской — среде. Они имеют скорее светское, чем религиозное, по большей части дидактическое, содержание и составлены в размере тюркского семисложного народного стиха, что в значительной мере сближает их с произведениями народной словесности.

1. Стихи о знании:

bilig bilig ja begim
 bilig sağa eš bolur
 bilig bilgen ol erke
 bir kün devlet tuş bolur
 biliglig er bilige
 taş qurşansa qaş bolur
 biligsizniñ janınğa
 altun qojsa taş bolur

*О мой господин, стремись к знанию,
 знание будет тебе другом.
 Человеку знающему (~овладевшему знанием)
 однажды встретится счастье.
 Если знающий муж на пояс
 повесит камень, он превратится в нефрит.
 Если рядом с невеждой
 положить золото, оно станет камнем'.

2. Стихи о дружбе:

...qadırın bildeçi
 eşi ūcün aziz žan
 qanin qurban qildaçi
 edgü saqın eşiñke
 andın edgü keldeçi
 jaman saqınsañ eşiñke
 uğan sezañ birdeçi
 žuanmartlıqni xu qılğan
 iki ažunnı buldaçi
 baxıllıqni xu qılğan
 . . . . . zın öldeçi

*...будет ценить,
 ради друга драгоценную жизнь
 и кровь свою он принесет в жертву.
 Другу своему желай добра,
 [и] он ответит добром.
 Если другу своему ты будешь желать зло,
 всемогущий воздаст тебе должное.
 Тот, у кого в обычае будет щедрость,
 обретет [благо] обоих миров.
 Тот, у кого в обычае будет скупость,
 Умрет не . . . . .

Некоторые стилистические особенности и лексический состав этих произведений, как, например, употребление слов типа *jaman* 'дурной, плохой' (вместо более раннего *jablaq*), *uḡan* 'всемогущий, бог' (вместо *teḡri*), *bir kün* 'однажды' (вместо *bir ödün*), характер слов, заимствованных из арабского и персидского языков (*devlet*, *qadīr*, *azīz*, *qurban*, *seza*, *ḡan*, *baḡillīq*) и т. п., говорят о большей близости языка этих песен к языку сочинения Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и поэмы Ахмеда Югнеки «'Atebetu l-haqajiq» («Порог истин»), чем к собственно древнеуйгурскому.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Древние уйгурские стихотворные произведения, известные по письменным памятникам VIII—XIII вв. из Восточного Туркестана, созданы в манихейской, буддийской и мусульманской среде, разнообразны по форме и по содержанию и отражают разную идеологию и религиозные представления.

2. Они свидетельствуют о весьма развитой технике стихосложения с устоявшимися нормами построения и озвучания стиха. Для стихосложения этой эпохи характерны: начальная вертикальная аллитерация (реже рифма), конечная аффиксальная рифма, относительная равносложность и синтаксический параллелизм.

3. Благодаря тому, что рассматриваемые произведения во брали в себя систему образов и художественные приемы тюркского народного стиха, они, при всей абстрактно-религиозной условности и трафаретности содержания, представляют собой явление достаточно самобытное и отражают определенный этап в развитии тюркской поэзии.

4. В процессе создания стихотворных произведений, так же как и произведений прозаического жанра, отрабатывался и шлифовался язык, устанавливалась терминология, что не могло не отразиться на развитии литературного языка.